УДК 338.43.02

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА: ОПЫТ РАЗВИТЫХ СТРАН И «ОСОБЫЙ РОССИЙСКИЙ ПУТЬ» ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

И.Н. Буздалов,
академик РАН, главный научный сотрудник ВИАПИ им. А.А. Никонова

Ключевые слова: аграрная политика, научные основы, опыт развитых стран, особый российский путь, приоритет сельского развития, новая стратегия аграрной политики
Keywords: agrarian policy, the scientific basis of the experience of developed countries, a special Russian way, the priority of rural development, the new strategy of the agrarian policy

Наблюдая успехи европейской цивилизации, примером которой была Швейцария, достигшая своего благополучия как страна «крестьян и коров», и, размышляя в связи с этим, о судьбах России, Ф.М. Достоевский писал: «И порядок, и законы, и даже сам ум нации, и, наконец, всякое правильное отправление национального организма организуется лишь тогда, когда в стране утвердится прочное земледелие. Каков характер земледелия, таков характер нации». Продолжая эту мысль можно утверждать: каков «характер» аграрной политики, таков уровень благополучия в сельском хозяйстве, предопределяющий общий прогресс в социально-экономическом развитии. Эта взаимосвязь наглядно подтверждается всем ходом глобального мирохозяйственного процесса и, прежде всего, опытом развитых стран. Между тем, Россия продолжает идти своим «особым» путем, получая адекватные, мягко говоря, неутешительные результаты и в экономике, и в главном для правового государства – социальных и других общественных условиях жизни людей.

Научные основы аграрной политики

Ответственный государственный научно-обоснованный подход к разработке и целенаправленному осуществлению аграрной политики обусловливается рядом факторов и условий фундаментального характера, прежде всего тем, что сельское хозяйство как первичная базовая основа материального производства занимает особое место среди ведущих отраслей и сфер экономики не только по своей целевой функции, циклу воспроизводства, но и по отраслевой и пространственно-социальной структуре. Аграрное производство основано на жизнедеятельности крестьянства – корневой системе нации, формирующей безальтернативную базу общего устойчивого социально-экономического развития, удовлетворяя первейшую жизненную потребность человека в продуктах питания. Даже временные сбои поставок лишь по отдельным продуктам (крупа, сахар и т.д.), неизбежно сопровождающиеся с другой напастью – ростом цен, мгновенно вызывают у населения нарастающую протестную реакцию, в то время, как, например, нехватка автоматов, танков, ракетных комплексов, подводных лодок и т.д. его особенно не обеспокоит. Любой, самый воинственный режим, неспособный решить «продовольственную проблему», заведомо обречен.

Научная концепция аграрной политики сочетает в себе общие, объективно обусловленные целеустановки государства в вопросах регулирования социально-экономического развития страны с особыми подходами к их реализации в сельском хозяйстве и всей агропродовольственной системе. Этим предопределяются направления, методы и механизмы осуществления аграрной политики как относительно обособленной составляющей общей экономической политики государства. Степень профессионализма в разработке и осуществлении аграрной политики характеризует государственную мудрость или, наоборот, бездарность, по меньшей мере, недальновидность политического руководства страны вообще.

Обзор специальной научной литературы и энциклопедических изданий между тем показывает, что понятие политика применительно к экономике трактуется далеко не однозначно, часто весьма расплывчато или явно произвольно, причем таким трактовкам можно найти формальные объяснения. Дело в том, что политические решения в области экономического и связанного с ним социального развития, в частности, в сельском хозяйстве, нередко противоречат объективным законам этого развития и базируются на субъективных представлениях или волюнтаристских увлечениях властей, принимающих эти решения. Поэтому не случайно В.И. Даль в своем «Толковом словаре» определял политику как «виды, намерения и цели государя, немногим известные и образ его действий при сем нередко скрывающий первые. Политик умный, ловкий, (не всегда честный) государственный деятель».

Иначе говоря, политика как научно обоснованное,

профессиональное участие высшей власти в делах государства, касающихся социально-экономического развития, может подменяться политиканством вплоть до произвола этих властей, по меньшей мере, «уклончивого», популистского образа действий, которые иногда и служат явно искаженной основой для субъективной трактовки понятия экономической политики. Этой уклончивостью, лживостью политических целеустановок грешили большевики, обещав землю крестьянам, фабрики и заводы – рабочим, а всем и каждому – «светлое будущее», на деле введя в стране, особенно в деревне, новое, государственное крепостное право. Заведомо невыполнимые обещания, декларации, в лучшем случае, полумеры, движения «шаг вперед – два назад» – достаточно распространенное явление, в той или иной мере характерное даже для стран с действительной приверженностью к принципам демократии, гражданского общества, обоснованиям научного сообщества, не говоря уже о странах, где основанные на идеологических догмах и автократических формах правления действия «государя» (царя, «генсека», президента, национального лидера и т.д.) или приверженного к этим формам «коллективного руководства» (хунты, политбюро и т.д.) не имеют опосредованных четким разделением властей демократических ограничений и развитых институтов правового государства.

К числу последних имеются определенные, а по некоторым оценкам почти все основания отнести Россию с ее явно неокрепшим, «рыхлым» гражданским обществом, проявлениями нарушения верховенства права и т. д., что позволяет высшему руководству подменять политические решения, основанные на достижениях науки, решениями, в частности, в области аграрной политики, по своему «усмотрению», кажущейся целесообразности, не просчитывая последствий или вообще не задумываясь о них. В этих условиях задача экономической науки, других общественных наук заключается в выявлении того, насколько аграрная, как и вся экономическая политика, соответствует ее объективно обусловленным научным основам, фундаментальным теоретическим положениям, и определить, что нужно изменить в этой политике, чтобы обеспечить необходимое соответствие. В исходном пункте решения указанной задачи нужно, во-первых, аргументированно и доказательно раскрыть само понятие аграрной политики, во-вторых, выявить ее научные основы, определяющие теоретические принципы и, в-третьих, обосновать направления, методы и механизмы осуществления, отвечающие этим основам и принципам.

Жизнь показывает, что стоит только какие-то «высшие» политические соображения поставить над нормальными экономическими отношениями (как, например, это наблюдалось в последнее время в отношениях между членами СНГ, недавно «братскими» Украиной и Россией) как это сразу неизбежно негативно сказывается на состоянии экономики, уровне жизни людей, вызывает обострение международной обстановки, санкции и т.д. (Заметим, что в вопросе о санкциях виновный в их последствиях не тот, кто первый вводит санкции, а тот, кто первый дает повод для их введения).

В общем концептуальном плане до сих пор помимо смещения акцентов в соотношении экономики и политики, превращения последней в подавляющую «командную силу», в само понятие экономической, в том числе аграрной политики часто вкладывается разный смысл, смешивается ее сущность, стратегические целеустановки с направлениями, мерами ее практического осуществления. В специальной литературе определений сущности аграрной политики огромное множество – или общих тезисных, или излишне многословных, а иногда весьма «замысловатых». Считается, например, что аграрная политика – это «определение соответствующих целей и ресурсное обеспечение их достижения, установление стратегических приоритетов, дополненных механизмом их обоснованного тактического корректирования» [1, с. 8].

Есть и другие излишне усложненные формулировки понятия аграрной политики, в которых, как и в приведенной выше, отсутствует главное: акцент на определяющую ее сущность функцию и стратегическую социально-экономическую цель – создание сельскому производителю, работающему в условиях повышенного риска, всех необходимых для творческого высокопроизводительного труда, гарантированных государством условий жизнедеятельности. Степень научной обоснованности, следовательно, действенность, результативность аграрной политики тем выше, чем полнее учитывается в ней базовый статус, особая роль и многофункциональная отраслевая специфика сельского хозяйства, объективно предопределяющая систему мер и механизм его постоянной приоритетной государственной поддержки.

Добившись на основе высокоразвитого сельского хозяйства общего социально-экономического прогресса развитые страны современного мира, как малые, так и крупные, к тому же не имеющие серьезных запасов углеводородов (Германия, Франция и т.д.), в своей общей экономической стратегии исходили и неизменно исходят из того, что рациональное использование уникального ресурсного потенциала отрасли, стимулирование эффективности производства через обеспечение достойных доходов занятых в сельском хозяйстве, стабильное снабжение населения основными продуктами питания отечественного производства по разумным ценам, поддержание экологического и социально-демографического баланса на сельских территориях – важнейшие базовые условия существования и развития государства и общества. Поэтому обеспечение этих условий выступает как объективная общественная необходимость и является постоянным макроэкономическим приоритетом, определяющим критерием научности и главной зада-

чей собственно аграрной политики, предпосылкой системной экономической и социальной модернизации, следовательно, успешного позиционирования России в меняющихся мирохозяйственных процессах.

Особый российский путь и его результаты в сельском развитии

Версия особого российского пути, активно проповедовавшаяся в XIX в. славянофилами (братья Аксаковы, Киреевские, Ю.Ф. Самарин и др.) до сих пор не получила внятного объяснения и убедительных доказательств ее «права на жизнь». Поскольку этой версии, «особой стати» России, согласно известной поэтической притче «умом не понять», а в нее бездумно (или полагаясь на российскую «крепость» заднего ума) «нужно только верить», в прогрессивной общественной мысли страны она «не прижилась», не удостоившись даже упоминания в серьезных энциклопедических изданиях.

Причина непостижимости этой версии здравому смыслу заключается, видимо, в том, что в ней заложена явно «неконструктивная» претензия на какую-то чуть ли не посланную свыше или самопровозглашенную исключительность, не вписывающуюся в общий глобальный процесс развития человеческой цивилизации с адекватными едиными общечеловеческими ценностями и морально-нравственными устоями, на фоне которых враждующие страновые, блоковые, полярные и т.д. «особости» – анахронизмы, болезненные нарывы на здоровом теле этих ценностей и устоев. Второстепенные, частные национальные особенности (культурные, религиозные и т.д.) естественны. Но они не дают основания для конструкции особых путей с упомянутыми претензиями как не отвечающей этим ценностям и дезорганизующей указанный процесс со всеми негативными последствиями.

В российской истории исходным дезорганизующим фактором конструкции особого пути явилась временами гипертрофированная склонность к колонизации. Начав ее с «безобидного» освоения пустующих земель, войдя «во вкус», «амбициозные» государи (велик соблазн любыми средствами оставить след в истории) внутренние национальные присоединения (Новгорода, Пскова и т.д.) трансформировали, особенно с походов Ивана Грозного во внешние «покорения» соседних народов, захвата чужих земель (Казанского, Астраханского, Сибирского ханств, Крымского ханства (1783 г.) и т.д.). Такая колонизация достигалась ценой огромных потерь, многих тысяч человеческих жизней, часто с резней и разграблением покоренных, в частности, Казани (1552 г.), являлась, говоря современным языком, грубым нарушением международного права.

Можно, конечно, такую колонизацию объяснить «отстаиванием» национальных интересов и вообще умалчивать о склонности России к колонизации, о которой вообще предпочитают не говорить, считая с советских времен соответствующую политику под термином «колониализм» как политику «империалистических государств». Однако история говорит другое. Признанный ее авторитет В.О. Ключевский доказательно утверждает: «История России есть история страны, которая колонизируется разносторонними струями в Новороссию, на Кавказ, за Волгу и т.д.» [3, с. 50]. Правда, и сама Россия подвергалась внешним нашествиям, но они по территориальным и временным потерям были несравнимы с этими мощными колонизаторскими «струями» расширения пресловутого «жизненного пространства», скромно называемого «собиранием земель». В целом же, заключает Ключевский, «колонизация была основным фактом (подчеркнуто мною – И.Б.) нашей истории, с которым в близкой или отдельной связи стояли все другие факты» [там же, с. 51].

Понятно, что колонизация (в т.ч. в агрессивных формах), это не только российский имперский «факт» (как и факт неизбежных крушений империй). С освоением свободных земель за ним появились устремления государей к силовым приемам этого собирания и адекватные, якобы обоснованные претензии и доводы (на деле – дипломатическое вранье). В частности, аннексия Саарской области Германией в 1935 г. обосновывалась извне организованным «плебисцитом» (референдумом), а Судетской области в 1938 г. – «защитой» проживавших там немцев; захват в 1938-39 гг. части финской территории, закончившийся исключением СССР из Лиги наций – «провокациями» со стороны Финляндии; «добровольное» вхождение в 1940 г. Прибалтийских стран в состав СССР – «волей трудящихся» этих стран, якобы недовольных правящим «фашистским режимом» и т.д.

Нет надобности говорить о морально-нравственной стороне такой колонизации в глазах мирового сообщества, вызывающей внутреннюю коррозию собственного «национального организма», раздвоение его на имперски настроенное вслед за государями послушно-патриотическое большинство и приверженное общечеловеческим ценностям свободомыслящее меньшинство (с позиции первого – «отщепенцы», пятая колонна и т.д.). Главное же – колонизация, тем более с применением грубой силы, предполагает милитаристскую направленность и структуру экономики, а это требует неимоверного напряжения сил народа, порождает его бедность, вплоть до нищеты людской, а бедность, говорил П.А. Столыпин – «худшее из рабств». Неизбежные в связи в этим проявления недовольства и протеста, преступности и т.д. вызывают «объективную» потребность в мобилизационном режиме, «сильной руке», в жестокой «вертикали власти», «дозировании» проявлений демократии, «насаждении» единомыслия, поиска врагов и т.д. вплоть до «завинчивания гаек». Основное бремя указанной направленности всегда, в первую очередь, ложилось на крестьянина, «сеятеля и хранителя» государства, а он нередко терял терпение, сопровождавшееся новыми разрушениями и жертвами, в лучшем случае

выражал молчаливый протест, работая «спустя рукава» или демонстративно покидая деревню.

На деструктивность версии «особого российского пути» обращал внимание бывший Президент РФ Д.А. Медведев на конференции, посвященной 150-летию Крестьянской реформы. Наглядную картину этой деструктивности, мягко говоря, нездоровой общественно-политической ситуации в стране при следовании по «особому» пути показывает считающийся успешным в российской истории петровский период (не говоря уже о мрачной полосе сталинского насилия над крестьянством, да и народом в целом). В отличие от других правителей страны Петр I, по словам В.О. Ключевского, действительно «не жалел живота своего для блага Отечества», но будучи «туп к пониманию нужд народа… он опустошил его больше всякого врага» [4, с. 293, 451-452]. То же самое происходило и в «славный век» Екатерины II, особенно преуспевшей в колонизации земель с 7-ми миллионным населением, в т.ч. Крыма, потребовавшей вдвое увеличить численность армии, втрое мощность флота (причем первые попытки покорения Крыма в 1687 и 1689 гг. закончились поражениями). Были, конечно, скоро угасшие восторги: «Крым наш!», прославленья, торжественные оды в честь «матушки государыни», но какова их цена на фоне жертв и страданий миллионов людей, «тяжелых ран, нанесенных народному организму»? [Там же, с. 353]. Ведь «вся политика Екатерины была системой нарядных фасадов с неопрятными задворками, следствием которой была полная порча нравов в высших классах, угнетение и разорение низших, общее ослабление России» [там же, с. 353-354]. Главным объектом разорения и угнетения было по-прежнему «униженное и оскорбленное» крестьянство, а непосредственной причиной общего экономического ослабления страны – непосильное военное бремя.

Военное ведомство с его продукцией, в конечном счете идущей на металлолом, уже при Петре I с «легкой руки» его сподвижника А.Д Меншикова всегда (вплоть до наших дней) отличалось ресурсорасточительством и казнокрадством, действительно ослабляло страну в экономическом отношении. Отсюда легкие в начале колонизации России победы сменялись поражениями. Николай I, военизировав государственный аппарат, мобилизовав ресурсы страны с приоритетом на «силовой блок», окончательно подавив Польшу, независимость Венгрии и вообще выступая как «жандарм Европы», привел Россию к поражению в Крымской войне 1853-1856 гг.

Александр II хотел повернуть Россию к главному ее приоритету – крестьянству, но «миротворец» Александр III вновь напряг страну на укрепление главных «союзников» – армию и флот. Однако, последующая война с Японией, разгромившей этих союзников, показала губительность превращения политики в «командную силу» над экономикой, прежде всего, над ее первоосновой – сельским хозяйством. П.А. Столыпин пытался вразумить сомневавшихся в этой истине, но после его убийства, с очередной отрыжкой «особого пути», кончившейся трагедией первой мировой войны и последующим гнетущим нашествием большевизма, почти уничтожившего крестьянство, все пошло по «наезженной колее».

«Россия, – констатирует последствия геополитических и вместе с ними внутренних «особых» подходов Е.И. Замятин, – двигается вперед странным, трудным путем…, она взбирается вверх и сейчас же проваливается вниз, она двигается, разрушая» [5, с. 28]. Эта странность, или, по словам М.Е. Салтыкова-Щедрина, великого диагноста российских общественных бед и недугов, «неудобные черты» движения по особому пути, представляет собой «замысловатое устремление сегодня одно здание на «песце» строить, а завтра, когда оно рухнет, зачинать новое здание на том же песце возводить» [6, с. 228]. Результаты такого строительства «получаются весьма дурные, а именно: необеспеченность жизни, непредусмотрительность, произвол, недостаток веры в будущее [6, там же]. Отсюда перманентное падение и всегда тяжелое вставание России «с колен». Не выдержав непосильных обременений движения по ухабам и трясинам особого пути с его жесткими «подпорками» в виде истощавших страну затрат на «силовой блок» и автократического режима правления, с грохотом рухнула великая «неделимая» Российская Империя; та же участь постигла возведенный там же на «песце» и державшийся на тех же подпорках «могучий и нерушимый», имперский по своей сути, Советский Союз.

Нынешние позывы к реанимации версии особого пути не сулят ничего хорошего, чреваты теми же последствиями. На этом пути у России почти не осталось надежных партнеров, да и те стремятся сотрудничать за плату (газовые и другие льготы, списание долгов и т.д.). Даже самая «братская» Болгария – ныне послушный член НАТО и ЕС. Да и Украину, предупреждал еще в 1929 г. В.И. Вернадский, сколько бы ни старались, «силой не удержать», особенно после очередного присоединения Крыма, моральной (?) поддержки отторжения части юго-восточной украинской территории, т.е. политики, которую другой выдающийся диагност российского и, в целом, славянского вопроса Ф.М. Достоевский считал не только ошибочной, но и опасной. «Но да сохранит Бог Россию, – предостерегал он в своем известном «особом словце о славянах», – от стремления расширять за счет славян свою территорию, присоединять их к себе, наделать из их земель губерний и проч.» (Слово, 1991г., № 12, с.2). Это предостережение актуально и поныне, поскольку с 2% мирового ВВП воинственно противостоять Западу, судя по всему, не намеренному нападать на Россию (к тому же способную и без особого повода привести «в боевую готовность» ядерные силы), бесперспективно и бессмысленно.

Поэтому пора бы, наконец, извлечь уроки и, отбросив, по меньшей мере ослабив указанные подпорки,

сконцентрировать внимание и ресурсы общества на обустройство и без того обширного и потому трудно управляемого, с теми же «неопрятными задворками», жизненного пространства, на огромных территориях которого (прежде всего, первостепенных жизнеобеспечивающих – сельских) царит и расширяется полное запустение (по признанию Президента РФ В.В. Путина «замирание жизни»). Ведь версия особого пути всегда была «удобна» для навязывания стране (и оправдания) разного рода «исторических» деяний, крутых поворотов, «великих переломов» и прочих «амбициозных» начинаний «государей». Когда же становились очевидными «факты» их абсурдности, разрушительности, все можно списать на «перегибы», культ личности и т.д., а в «прикладном» плане на стрелочников-исполнителей, снося памятники и символы предшественников и вновь подспудно или открыто возвращаясь к той же «стратегии», тем же приемам и методам, формально придавая им новые, якобы демократические формы.

Эти приемы и методы со всей очевидностью просматриваются, прежде всего, в проводимой сейчас аграрной политике, в первую очередь, касающиеся нарушения принципа приоритетного развития сельского хозяйства. А это, как и во всей российской истории, порождало не только перманентную отсталость отрасли, но и общее социально-экономическое неблагополучие в обществе [2, с. 4-14]. Особенно это проявилось в процессе так называемых «социалистических преобразований», когда вместо приоритетного развития сельского хозяйства применялись методы военно-феодальной эксплуатации крестьянства, взимания с него «дани» через механизм пресловутой «перекачки», «ножниц цен» и т.д. Не подорвав сельского хозяйства, страна могла бы построить еще не одну «Магнитку», не один Днепрогэс и т.д.

В настоящее время методы внеэкономического принуждения в значительной мере устранены, а размеры неэквивалентного обмена, масштабы «перекачки» результатов крестьянского труда в пользу субъектов монопольного окружения сельского хозяйства уменьшены. Однако, в проводимой ныне аграрной политике России сельское хозяйство по–прежнему рассматривается как традиционный «донор», как неизбежный, хронически отсталый, «довесок» к остальным «неаграрным» секторам экономики. По сути, власти, чтобы освободить себя от забот всерьез заниматься развитием собственного сельского хозяйства, его роль в смене экономических и технологических циклов оценивают в лучшем случае как инертный фон, а в худшем – как «черную дыру». Без радикального изменения такого устаревшего и искаженного видения российской правящей элитой «аграрного вопроса» решительный поворот всего общества на реализацию принципа приоритетного развития сельского хозяйства, следовательно, его системное преобразование через массированную, по меньшей мере, адекватную доле отрасли в национальном доходе страны, господдержку аграрного сектора, являющуюся общемировым трендом, невозможен.

Такому тренду, следовательно, масштабной господдержке сельского хозяйства с начала 80-х годов XX в. неизменно следует Китай. За годы реформ, проводившихся в рамках концепции Дэн Сяопина, «сельское хозяйство – основа экономики», ее размеры возросли на порядок и в общей структуре бюджета страны достигли 7,5%. В России, наоборот, доля сельского хозяйства в расходной части бюджета, составлявшая в 1990 г. 14% его суммы, снизилась до символической в 1,2%. В расчете на 1 га посевной площади размеры господдержки отрасли в России оказались почти в 20 раз ниже китайских показателей. В результате за период экономических реформ валовая продукция сельского хозяйства Китая (на той же земельной площади) увеличилась в 2,3 раза, в том числе животноводства – в 3,2 раза, а в России ее объем не достиг уровня 1990 г., а в животноводстве упал на 1/3. В настоящее время Китай, обеспечив за этот период рост потребления основных продуктов питания в расчете на душу населения в 2-3 и более раз (по мясу в 3,5 раза, растительному маслу – в 4,3 раза, рыбе – в 9 раз, фруктам – в 12 раз и т.д.) экспортирует продукцию сельского хозяйства, в том числе в Россию, на сумму свыше 70 млрд долларов, а Россия импортирует ее в объеме свыше 40 млрд долларов в год (2013 г. – 43,1 млрд долларов). Сельское хозяйство Китая в результате новой аграрной политики, по сути, явилось локомотивом создания китайского «экономического чуда».

Взвешенная, дальновидная политика социально-экономических преобразований внутри страны дополнялась аналогичными подходами, направленными на накопление национального экономического потенциала и его рациональное использование во внешней политике. Китайское руководство могло бы, например, под предлогом защиты своих единоверцев направить усилия на присоединение Тайваня, нажив для страны излишнюю головную боль, обременительные дополнительные расходы, подвергнуться изоляции, санкциям на мировой арене и т.д. Однако, исходя из формулы Дэн Сяопина «одно государство – два строя», оно не встало на такой путь, а в рамках этой формулы осуществляет последовательные меры по сближению и сотрудничеству двух стран с перспективой их объединения в той или иной форме (в частности, предоставления Тайваню широкой автономии в рамках компромиссного варианта 1992 г. «единый Китай») и создания общего экономического пространства, охватывающего КНР, Сянган, Аомынь и Тайвань с унифицированными рыночными, т.е. «капиталистическими», принципами отношений (хотя официально по традиции считается, что в КНР строится социализм). Именно эти принципы и были положены в основу экономического механизма и всей совокупности осуществляемых с 1978 г. в сельском хозяйстве, а затем в целом по стране, системных рыночных преобразований.

В России, наоборот, в предпринятых с начала 90-х годов XX в. стратегически неотложных, но практически спонтанных, осуществляемых путем проб и ошибок, рыночных преобразованиях, декларациях, в лучшем случае, полумерах по обеспечению приоритета сельского развития и на его основе возрождения села, в экономической политике государства отрасль оказалась на последнем месте. Специфика и особая роль сельского хозяйства в социально-экономическом оздоровлении страны не была оценена, а поэтому и без того подорванное, особенно в процессе «социалистических» преобразований и последующих сумбурных реорганизаций и перестроек, аграрное производство подверглось новым болезненным экспериментам и на многие годы отброшено вспять. Допущенные серьезные ошибки и просчеты в отношении социально-экономической стратегии сельского развития до сих пор глубоко не проанализированы и тем более не исправлены.

В связи с этим утверждение, прозвучавшее в отчете Правительства РФ в Госдуме 24.04.1914 г. о том, что властям «не стыдно» за нынешнее положение дел в сельском хозяйстве звучит крайне неубедительно и необъективно. По сути другую, более предметную оценку действительного положения на селе дал, наконец, Президент РФ В.В. Путин, заявивший на заседании Госсовета и Совета по нацпроектам и демографической политике 21.04.2014 г., что сельская жизнедеятельность «во многих местах (на самом деле на площади более половины сельскохозяйственной территории – И.Б.) словно остановилась, замерла» и, что люди бегут из деревни «из-за общей невостребованности».

Достаточно внимательно взглянуть на общее болезненное состояние аграрного сектора страны, на показатели сельской демографии, качество человеческого капитала и производственно-технической базы на селе, парадоксы и злоупотребления в использовании земельных ресурсов, на убожество социальной и инженерной инфраструктуры, низкие показатели уровня жизни селян, трудовой активности, миграции из села, особенно молодежи, чтобы убедиться в глубине испытываемого современным сельским хозяйством острейшего системного кризиса – наглядного отражения социально-экономической ущербности проводимой аграрной политики и необходимости радикальных изменений в ее стратегии и механизмах осуществления.

Успешному осуществлению этих изменений способствовало бы широкое использование опыта «всех развитых стран», к чему и призвал В.В. Путин в своей статье «О наших экономических задачах» (Ведомости, 31.04.2012 г.), а этот опыт, как известно, основан на реальном обеспечении приоритета сельского хозяйства, активной протекционистской направленности аграрной политики. К сожалению, практические действия в этом плане оказались «уклончивыми»: ведь одними призывами урожаи полей и животноводческую отрасль не поднять, стимулы к производительному труду и социальное благоустройство села не повысить, деградацию сельской демографии не приостановить и в целом затянувшийся глубокий системный кризис отрасли не преодолеть.

А что на деле показывает опыт всех развитых стран? Так, в Германии на основе аграрного законодательства, ориентированного на приоритет сельского развития государством неизменно поддерживаются достойные условия для жизнедеятельности крестьянства, на базе которых обеспечивается высокоинтенсивное развитие сельского хозяйства, активно способствующее общему прогрессу в стране. Поэтому при малоземелье и низком естественном плодородии почв социально обустроенная и динамично развивающаяся отрасль, располагающая далеко не лучшими земельными угодьями в расчете на 1 жителя страны, в 3,2 раза меньше, чем Россия, сейчас производит свыше 90% необходимого стране продовольствия, а трудоемкая продукция животноводства в больших объемах экспортируется. По сути Германия стала высокоразвитой страной во многом именно благодаря проведению научно-обоснованной аграрной политики. То же самое демонстрирует Франция. Старт нынешнему могуществу США дал знаменитый аграрный «Закон о гомстедах» (1863 г.). В рамках новой аграрной политики достигла процветания бывшая отсталая окраина России – Финляндия, которой вовремя удалось свернуть с особого российского пути.

В отличие от развитых и быстро развивающихся стран, прежде всего, Китая, российский аграрный сектор в условиях проводимой политики оказался в глубокой долговой яме и состоянии фактического банкротства, не обеспечивая поэтому возможный значительный мультипликативный эффект для сопряженных отраслей промышленности и сферы услуг. Кризисное его состояние не позволяет преодолеть и беспрецедентное за всю историю России засилие импорта продовольствия, какие бы замены его поставщиков из соседних Польши, Литвы, Норвегии на чилийских, аргентинских и т.д. без необходимого наполнения аграрного бюджета страны, следовательно, преобразования отечественного сельхозпроизводства, не осуществлялись.

Не просчитав последствий «контрсанкций» на импортные поставки продовольствия из США, других стран Запада и вообще усматривая в санкциях против России своего рода стимулы, наконец, самим по-настоящему заняться своей экономикой, модернизацией ее реального сектора, импортозамещением и т.д. ответственные представители власти не делают при этом необходимых пояснений и объяснений. А что же раньше, когда цена за баррель нефти превышала 100 долларов, мешало направить усилия и ресурсы государства на формально провозглашенную модернизацию аграрного и всего реального сектора экономики, и все шло по тому же «особому» пути? (Здесь возникает и другой вопрос: ведь направляя во все концы

евразийского континента все более мощные высокодоходные нефтегазовые потоки и всерьез не занимаясь этой модернизацией, власти, фактически игнорируют концепцию и принципы устойчивого развития, тем самым заведомо обкрадывают будущее поколение России).

Что же касается действий по принципу «око за око», то оценивать их нужно с позиций собственной выгоды, вместо которой страна несет немалые потери и убытки. Не случайно, предотвращая эти убытки вследствие российских контрсанкций, союзная Белоруссия «уклонилась» поддержать их в отношении стран Запада (впрочем, как и другие акции России, в т.ч. внешнеполитические, осложнившие международную обстановку с ее нынешними последствиями для страны, ее экономики, уровня жизни населения и т.д.). Можно сгоряча ввести эмбарго еще и на импортные лекарства, детское питание и т.д., но нетрудно предвидеть и его последствия. Главное же наивно думать, что указанные «стимулы» заработают сами по себе без серьезных изменений в методах и механизмах управления, в частности, без реального поворота от общих призывов к реальному ресурсному обеспечению приоритета сельского развития.

Государственный приоритет развития сельского хозяйства как определяющий критерий научной обоснованности аграрной политики, помимо отмеченной выше фундаментальной предпосылки, обусловливается, также непредсказуемой зависимостью отрасли от действия стихийных природных сил. Связанные с этим непредвиденные риски снижают привлекательность аграрного сектора для частных инвесторов и предопределяют объективную необходимость преобладающего участия в обеспечении приоритета сельского развития через систему мер поддержки села государством.

Между тем, торжественно провозглашенная в начале реформ стратегия такого развития на деле выродилась в основном в декларации или популистские благие намерения, в лучшем случае – в полумеры. Формально государство брало на себя ответственность за рыночно-социальную трансформацию аграрного сектора, ее финансово-организационное сопровождение. На практике принимавшиеся в этом направлении федеральные законы по сельскому развитию, прежде всего, Закон «О государственном регулировании агропромышленного производства» (1997 г.) не выполнялись и часто подменялись документами, которые не относились даже к подзаконным актам, что дискредитировало законодательную деятельность и являлось одной из существенных причин серьезного подрыва производительных сил сельского хозяйства, ресурсорасточительности в использовании и без того мизерной бюджетной поддержки села. При этом в стране практически отсутствует необходимое правовое обеспечение приоритетного развития сельского хозяйства. В целом крайне несовершенное, противоречивое аграрное законодательство часто служит правовой крышей для злоупотреблений, особенно с землей.

Правда, на 2005-2007 гг. был принят национальный проект «Развитие АПК», формально, по названию отвечавший принципу приоритетности сельского развития. Но за время реализации этого проекта социально-экономическое положение в сельском хозяйстве к лучшему мало изменилось, а импорт продовольствия в стране удвоился. Главную причину декларативности приоритета сельского развития в этом проекте объяснил его инициатор, Президент РФ В.В. Путин – «недопустимо малое» государственное финансирование. Сами СХО при сложившемся диспаритете цен и общей пресловутой «перекачки» созданного в сельском хозяйстве национального дохода в пользу субъектов его монопольного окружения (включая само государство), накопившие по этой причине беспрецедентную задолженность по кредитам, заведомо лишаются необходимых средств для действительной модернизации, последовательной интенсификации как главного пути развития сельского хозяйства и, по сути, основной практической задачи осуществления аграрной политики. Отсюда общее социально-экономическое состояние аграрного сектора и сельских территорий остается крайне тяжелым, неустойчивым, представляющим угрозу не только продовольственной, но и всей национальной безопасности страны.

По сути, в сельском хозяйстве страны происходит деиндустриализация производства. Сельхозтехника крайне изношена, и сроки ее эксплуатации перешли все разумные границы. В крайнем упадке находится вся система сельскохозяйственного машиностроения. В кризисном состоянии плодородие почв. При доле России в мировом производстве минеральных удобрений более 9%, в потреблении эта доля почти в 8 раз меньше. При общем увеличении (с 15,9 до 18,3 млн т) производства минеральных удобрений за 1990-2013 гг. внесение их в почву в России сократилось в расчете на 1 га посевных площадей с 88 до 37 кг. Почти не используются органические удобрения. Вынос питательных веществ из почвы за годы реформ в три раза превысил их возврат в виде удобрения полей. Заброшена химическая мелиорация земель. Известкование кислых почв, занимающих 35% пашни в России, с 1990 г. упало в 17 раз до 0,3 млн га. В критическом состоянии ирригация. Все это следствие того, что законодательно и практически, мягко говоря, запутан главный вопрос аграрных отношений и непосредственно аграрной политики – земельный, прежде всего в его основе – праве собственности, механизме его реализации. Миллионы крестьян стали не собственниками, а бумажными «долевладельцами». Земельными делами, поэтому, в основном заправляет землеустроительное и прочее, во многом коррумпированное, чиновничество, по своему «усмотрению».

Крайне опасна десоциализация села. Перенос ответственности за поддержание и развитие жилищно-

коммунальной, социальной, медицинской и образовательной сферы с сельхозпредприятий на не имеющие ресурсов муниципальные образования при слабой поддержке этой сферы государством привел к масштабной деградации инженерной и социальной инфраструктуры в сельских регионах. Около 60% сельских жителей срочно нуждаются в улучшении жилищных условий. Жилой фонд изношен, большая его часть не имеет элементарных коммунальных удобств. Отмеченная Президентом страны «общая невостребованность», качество жизни, вдвое заниженный, в сравнении со средним по экономике, уровень оплаты труда селян подрывают стимулы их эффективной деятельности.

Возрождение сельского хозяйства невозможно и без преодоления тенденции его деинтеллектуализации, деградации сельской демографии. Практически отсутствует отвечающая современным требованиям система подготовки для села кадров квалифицированных работников. Среднее профессиональное образование имеют около 20% занятых в сельском хозяйстве, высшее профессиональное – менее 10%. Около 80% выпускников сельскохозяйственных вузов не идут на работу в сельское хозяйство ввиду карьерной и жизненной бесперспективности. При сохранении такого положения через 3-5 лет в аграрном секторе почти не останется квалифицированных механизаторов, агрономов, зоотехников и других специалистов.

Вследствие отсутствия необходимой господдержки и дезорганизации системы аграрных исследований и разработок сузилась научно-образовательная база аграрного сектора, ухудшилась связь фундаментальной и прикладной науки с производством, коммерциализация результатов исследований и разработок. Численность научных кадров в аграрных научно-исследовательских учреждениях снизилась более чем вдвое. Не находят практического применения до 80% научных разработок по рациональному ведению сельского хозяйства на современной технологической основе, хотя даже нынешний инновационный потенциал в сельском хозяйстве оценивается в 400 млрд руб.

Определенную негативную роль играет и организационная деструктуризация сельхозпроизводства, в частности, связанная с отсутствием в стране действенной кооперативной политики. В связи с этим не получили широкого распространения настоящие кооперативные формы хозяйства, особенно вертикального типа, а в производственных кооперативах во многом сохранились прежние колхозные порядки, закрепленные нормами ущербного по своему содержанию Закона «О сельскохозяйственной кооперации». Место кооперативов, по сути, часто заменяют огромные агрохолдинги, не всегда эффективно использующие земельные и водные ресурсы, высвобождающие без предоставления альтернативной занятости значительные трудовые ресурсы и поглощающие значительную часть кредитно-инвестиционных (в т. ч. государственных) ресурсов.

На другом полюсе находится предоставленная сама себе масса мелких хозяйств населения (прежде всего приусадебные и другие семейные хозяйства граждан), располагающих очень ограниченными земельными и кредитными ресурсами, хотя производящих более 40% валовой продукции отрасли. Крайне недостаточна поддержка государством средних и крупных агропредприятий, имеющих больший потенциал развития, но вследствие обусловленного механизмом «перекачки» бедственного финансового положения лишенных возможности его рационально использовать.

Необходим переход к новой аграрной политике

Действующую в стране аграрную политику таковой назвать можно лишь условно. Основным ее изъяном является не только совершенно недостаточная (или по определению В.В. Путина «недопустимо малая») бюджетно-финансовая, но и «дополняющая» ее, богатая парадоксами и неувязками организационно-правовая господдержка сельского хозяйства. Оно по-прежнему рассматривается и фактически используется как ослабевшая от недокорма «дойная корова» для обеспечения других общественных нужд. В то же время, масштабы производимого крестьянством национального дохода позволяют успешно и форсировано осуществлять модернизацию отрасли, если отказаться от подрывающей производительные силы сельского хозяйства перекачки, т.е. перестать бесцеремонно обирать село [7, с. 77-78].

Власти современной России и субъекты монопольного окружения сельского хозяйства, бесспорно, ослабили бремя перекачки. Селу возвращается часть изымаемых у него государством, посредниками, другими «партнерами» по АПК доходов, но суммы этого возврата не отвечают принципам эквивалентного обмена и социальной справедливости в отношении крестьянства. По данным за 2009 - 2012 гг., только по расчетам на товарную продукцию сельского хозяйства государство и субъекты монопольного окружения села «выкачивали» из отрасли в среднем за год по 1,3 триллиона рублей вновь созданной стоимости отрасли. Селу же было возвращено через бюджетные назначения 1/10 этой суммы, причем непосредственные производители получили менее j этих назначений [8, с. 98]. Такого фискального бремени не испытывает в стране ни одна другая отрасль, ни одна другая группа населении. По имеющимся оценкам, за эти годы сумма уплаченных субъектами сельского хозяйства налогов, сборов и других обязательных платежей, а также страховых взносов в государственные внебюджетные фонды на 7-18% превышала его поддержку из консолидированного бюджета.

Доля аграрной составляющей этого бюджета за 1990-2013 гг. снизилась на порядок (до 1,2%) против, например, 10% госбюджета соседней «союзной» Республики Беларусь. По уровню основной теперь

формы прямой господдержки сельхозпроизводителей в расчете на 1 га пашни Россия отстает от стран ЕС, Китая, других государств в 10-15 и более раз. Доля бюджетной поддержки сельского хозяйства в России втрое ниже доли сельского хозяйства в создании валовой добавленной стоимости в экономике, а в странах Евросоюза – почти в 19 раз выше [9, с. 75]. Для поддержания, а тем более наращивания производства хозяйства вынуждены брать кредиты под крайне высокие даже льготные проценты, что неизбежно приводит к образованию астрономической кредиторской задолженности (которую Д.А. Медведев считает почему-то «положительным фактором» – см. его отчет в Госдуме 22.04.2014 г.), приблизившейся к 2,3 трлн. руб. – почти в 1,3 раза превышающей годовую выручку от реализации произведенной ими продукции в 2014 г. Все это при вызванном механизмом перекачки отсутствии средств у СХО для возврата долгов ставит многие из них на грань разорения.

Страны, реально стремящиеся к достижению продовольственной и в связи с нею общей национальной безопасности, соответственно, к активному позиционированию на мировом агропродовольственном рынке, не только декларируют приоритетность сельского развития, но на деле оказывают селу реальную и устойчивую бюджетно-финансовую и организационно- управленческую поддержку. В Евросоюзе, сопоставимом с РФ по площади сельхозугодий, но имеющем более благоприятные климатические условия, гораздо лучше развитую сельскую инфраструктуру, на общую сельскохозяйственную политику в 2014-2020 гг. намечено направить более 408 млрд. евро, или примерно 18 трлн. руб. (по курсу ЦБ РФ 2013 г.). В российском госбюджете сопоставимые средства – 20 трлн. руб. в качестве главного приоритета (явно запредельного по многим оценкам, в частности, бывшего министра финансов РФ А. Кудрина, весьма осведомленного в кремлевском механизме распоряжения бюджетными средствами) намечено до 2020 г. направить на вооружения, тогда как в Госпрограмме развития сельского хозяйства на 2013-2020 гг. предполагается выделить на порядок меньше (всего 1,5 трлн. руб. из федерального бюджета).

Многие, в частности, занимающаяся в Госдуме вопросами безопасности депутат И.А. Яровая, считают, что военно-промышленный флюс на теле гражданских отраслей и сфер экономики чуть ли не автоматически поднимает последние на более высокий технологический уровень с адекватным качеством выпускаемой продукции. На самом деле и в прежние годы гонки вооружений, и при нынешнем приоритете военных расходов такой «автоматики» не наблюдается, что видно на качестве продукции автопрома, авиапрома и т.д., особенно сельскохозяйственного машиностроения, в связи с чем полунищие СХО, экономя на оплате труда работников, предпочитают покупать более дорогую, но высококачественную зарубежную технику. Дело в том, что переход к высоким технологиям в гражданских отраслях экономики, во-первых, требует специализированного подхода и, во-вторых, аналогичных, как в «оборонке», приоритетных условий для деятельности научных учреждений, НИОКР, социальной защиты специалистов и т.д., а этого в реальной практике (и в советской, и в нынешней) не было и нет. Поэтому надежда на указанную автоматику – иллюзия, и в то же время легковесный «аргумент» в пользу приоритета военных расходов, достигших не поддающихся разумному объяснению размеров, как в прорву отнимающих средства от насущных нужд прочих промышленных отраслей, образования, науки, социальной защиты граждан, строительства дорог и, конечно, сельского развития.

Призывать к опыту развитых стран, но ничего не менять и далее, оставляя собственное сельское хозяйство в нынешнем его бедственном состоянии или ограничиваться полумерами, общими призывами и декларациями типа Доктрины продовольственной безопасности – значит, не задумываясь о последствиях, продолжать направлять его движение по зигзагам «особого российского пути», с его во многом советской «спецификой», в своеобразных формах трансформировавшейся в структуру нынешней вертикали власти с ее тем же «административным» ресурсом и волевыми, опрометчивыми решениями, которые, как показывает практика, с особым «размахом» реализуются в проведении аграрной политики.

В условиях, когда такие решения или благовидные декларации стали нормой, надеяться, что сельское хозяйство может выйти из трясины затянувшегося глубокого системного кризиса – значит предаваться иллюзиям. Преодолеть этот кризис возможно, судя по опыту развитых стран, лишь в рамках теоретически выверенной и подтвержденной этим опытом последовательно протекционистской модели аграрной политики. Понятно, что ресурсы государства ограничены. Но ограниченность ресурсов, в т.ч. финансовых возможностей, – общая закономерность, характерная для любой страны, и как раз те из них, которые достигли огромного прогресса в сельском хозяйстве (к тому же не имевших таких, как Россия, потоков нефтедолларов), на деле исходили и исходят из его приоритета и формируют структуру бюджета в соответствии с задачами общей сбалансированности социально-экономического развития, создающего возможность системной модернизации сельского и всего народного хозяйства. В проводимой российскими властями экономической стратегии приоритеты сместились в других, часто второстепенных или третьестепенных по значимости, но лидирующих по ресурсорасточительности, откатами и «распилам» бюджетных средств, направлениях.

Если можно как-то объяснить, в том числе мнимыми угрозами, т.к. врагов (т.е. конкретных стран у России, по заявлению В.В. Путина от 16.04.15) нет, запредельные, обременительные для страны военные рас-

ходы (включая неоднозначный вопрос – внешнюю торговлю оружием), то, по меньшей мере, сомнение вызывает заведомо излишнее усердие распорядителей и распределителей общенародного финансового фонда в затратах на дорогостоящие помпезные торжества, «братскую» помощь, «дружеские» (за счет России) отношения, космические, спортивные, юбилейные и прочие излишние увлечения и прихоти, как трудно объяснить волевое списание десятков миллиардов долларов внешних долгов. А здесь немалые источники для обеспечения приоритета первостепенной значимости – возрождения сельского хозяйства, если к ним добавить еще доходы от экспортной выручки за углеводороды, а тем более того же зерна. Сейчас от этой выручки селу не достается ни копейки. Помогло бы этому возрождению введение, наконец, прогрессивного подоходного налога, обращение на его нужды части природной, а тем более земельной ренты как составной части создаваемого в отрасли национального дохода. Необходимый механизм распределения земельной и вообще природной ренты в стране отсутствует, позволяя одним обогащаться, а другим бедствовать.

По сути, эти источники и могли бы помочь сформировать государственную финансовую базу обеспечения действительной приоритетности, следовательно, социально-экономического преобразования и системной модернизации сельского хозяйства на уровне «всех развитых стран» к использованию опыта которых призывает Президент России. Но чтобы от слов здесь перейти к делу, нужна не корректировка проводимой ныне в стране аграрной политики, а ее радикальное изменение, по сути, формирование «новой актуализированной аграрной политики, новой модели функционирования АПК» [10, с. 6]. Естественно, надо радикально менять всю экономическую политику [11, с. 7 - 8].

x x
x

Переход к новой аграрной политике предполагает кардинальные изменения ее стратегии и тактики по всем основным направлениям, прежде всего, в области народно-хозяйственных мер и механизмов экономического и правового регулирования сельского развития, а) полное финансовое обеспечение приоритета сельского развития на ближайшую перспективу в объективно необходимых и последовательно наращиваемых размерах, прежде всего, за счет возвращения селу основной части социально несправедливых и экономически необоснованных изъятий субъектами монопольного окружения отрасли и государством созданного крестьянским трудом национального дохода; б) разработка и последовательное системное применение действенного механизма рационального использования бюджетных и собственных ресурсов сельскохозяйственных предприятий и в) создание адекватного этим мерам аграрного законодательства и системы государственного регулирования и управления сельским хозяйством и АПК страны в целом.

Мобилизовать необходимые для приоритетного развития сельского хозяйства средства вполне реально и в нынешних сложных социально-экономических условиях, если осуществить ответственный (как «во всех развитых странах») государственный подход к расстановке макроэкономических приоритетов, обеспечению структурной сбалансированности экономики с учетом использования для насущных нужд села и части суверенных финансовых фондов страны, по меньшей мере, наряду с другими претендентами (крупные банки, нефтегазовые и прочие госкомпании). К сожалению, такого подхода, необходимого бюджетного маневра в работе экономического блока правительства, судя по практическим его действиям и планам, пока не просматривается. Опять стремление безмерно наращивать вооружения (с неизбежными вопросами любопытных: против кого можно применить громаду танков, бронетранспортеров и других грозных их наземных видов – ведь главный «виновник» российских бед и недугов далеко за океаном?), поддерживать в первую очередь банки с их новыми долгами и теми же внушительными бонусами, Роснефть и т.д. и секвостировать и без того «недопустимо малую», тощую прослойку аграрной части бюджета страны. Намерения властей осуществить очередные полумеры, мизерные «антикризисные» подачки ничего существенного в положении на селе не изменят.

В современных условиях, когда продовольствие становится все более действенным инструментом геополитики, когда сельское хозяйство США все больше теряет значение мировой продовольственной «подушки безопасности», а Китай и Индия сосредоточены на обеспечении продуктами питания собственного населения, Россия, опираясь на приоритетное развитие сельского хозяйства и всего АПК, может не только не быть вытесненной на периферию мировой экономики, но и стать одним из основателей и ключевых игроков нового «продовольственного миропорядка» на выгодных для себя долговременных условиях. Но это требует разработки новой модели аграрной политики, новой общей экономической стратегии, воплощающей мировые достижения в использовании объективных закономерностей устойчивого социально-экономического развития. Разумеется, это предполагает верховенство права, четкого разделения властей, независимость суда и т.д., отказ от других деструктивных обременений «особого пути».

Литература

1. АПК: экономика, управление. 1992. № 7.

2. Абалкин Л.И. Аграрная трагедия России // Вопросы экономики 2009. №9.

3. Ключевский В.О. Сочинения в 9 томах. М.: Мысль, 1987. Т. 1.

4. Ключевский В.О. Из литературного наследия. М.: Современник, 1991.
5. Замятин Е.И. Избранное. М., 1989.
6. Салтыков Щедрин М.Е. История одного города. М., 1972.
7. Милосердов В.В. Многострадальная судьба российского крестьянства. М.: Колос, 2010.
8. Буздалов И.Н. Российское село и крестьянство в тисках монопольного окружения. М.: Изд-во Агрорус, 2013.
9. Пошкус Б.И. Факторы укрепления сельского хозяйства (надежды и действительность). Екатеринбург, 2011.
10. Ушачев И.Г. Социально-экономические исследования в аграрном секторе России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2014. №4.
11. Из кризиса не выйти без смены модели экономической политики. Интервью Р.С. Гринберга журналу Вестник Института экономики РАН. 2015. № 1.

Контактная информация:
Буздалов Иван Николаевич,
e-mail: mazloevv@mail.ru

УДК 338.439(470):339.98

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ РЫНОК РОССИИ В УСЛОВИЯХ АНТИСАНКЦИЙ

А.Г. Папцов,
член-корреспондент РАН, зам. директора,
ФГБНУ «Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства»

Ключевые слова: антисанкции, импортозамещение, продовольственный рынок
Keywords: anti-sanktions, import substitution, food market

Обострение взаимоотношений с государствами, применившими и поддержавшими санкции против России, вызвали ответные шаги, наиболее значимыми из которых стало эмбарго на ввоз продовольствия из ЕС, Норвегии, Канады, США, Австралии и Украины. Затронут весьма обширный перечень продукции, которая стабильно присутствовала на продовольственном рынке и в значительной мере стала неотъемлемой частью ежедневного рациона россиян.

Казалось бы, перед российскими производителями открыты самые широкие возможности по наращиванию объемов производства в условиях отсутствия конкуренции со стороны импорта. Вместе с тем, проблема импортозамещения на внутреннем продовольственном рынке требует осмысления.

В последние десятилетия Россия стала одним из крупнейших импортеров сельскохозяйственной продукции в мире (рис. 1). Объем ввоза мясо-молочной продукции, овощей и фруктов, а также рыбы и рыбной продукции в 2010-2013 гг. в среднем превысил 40 млрд долл. В крупнейших мегаполисах страны доля импортной продукции в общем обороте по некоторым позициям превышала 40-45%.

Как видно на рисунке 2, из перечня продукции, попавшей под запрет на ввоз, наиболее чувствительные позиции складываются по продукции животноводства, необходимость их импорта оценивается в 25-35%.

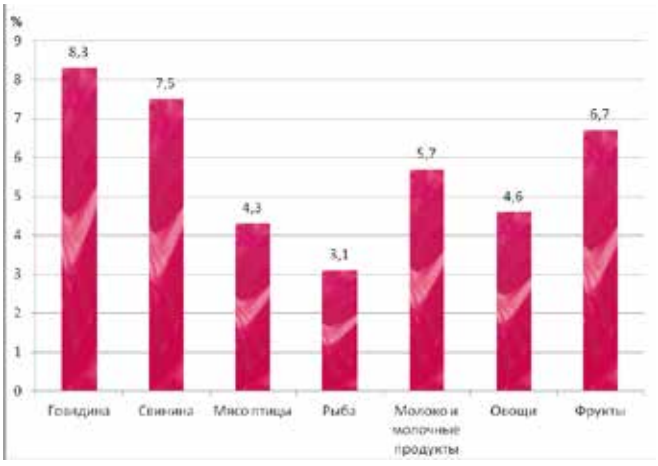

Рисунок 1. Доля российского импорта в общемировом объеме импорта товаров, находящихся под запретом ввоза

Источник: UN Comtrade.